

2. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.

References

1. Nikishina, E. A. Stickers on cars as a small genre in the system of speech interaction on the road / E. A. Nikishina // Proceedings of V. V. Vinogradov Institute of Russian language. – 2017. No. XIII. – P. 96–102.

2. Chimik, V. V. Large dictionary of Russian colloquial expressive speech. – SPb. : Norint, 2004. – 762 s.

Т. И. Гаранович

Минский государственный лингвистический университет, Минск

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Резюме. В статье рассматриваются прагматические особенности белорусских и английских синтаксических фразеологизмов, которые исследуются методами компонентного и контекстологического анализа. Являясь структурами с субъективно-модальным значением, синтаксические фразеологизмы оказывают воздействие на адресата за счет своей семантики, а именно выражения эмоций, оценки, иных модальных значений. Речевое воздействие также осуществляется с помощью вопросов, сравнений, указания либо неуказания на действующее лицо, акцентирования, использования форм повелительного наклонения.

Ключевые слова: речевое воздействие, синтаксический фразеологизм, семантика, модальность, оценка, эмоция, сравнение, вопрос.

T. I. Garanovich

Minsk State Linguistic University, Minsk

SYNTACTIC IDIOMS AS MEANS OF SPEECH IMPACT IN BELARUSIAN AND ENGLISH

Abstract. The article dwells on pragmatic features of Belarusian and English syntactic idioms studied with the help of componential and contextological analysis. Being structures with a subjective-modal meaning, syntactic idioms influence the addressee due to their semantics,

namely expression of emotions, evaluation, and other modal meanings. Speech impact is also made with the help of questions, comparisons, indication or non-indication of the doer of the action, emphasis, use of the imperative mood.

Keywords: *speech impact, syntactic idiom, semantics, modality, evaluation, emotion, comparison, question.*

Речевое воздействие – это «влияние на собеседника в процессе общения с помощью различных приемов с целью изменить его взгляды и мнения и побудить к каким-либо действиям» (Балахонская, 2017).

Речевое воздействие может быть вербальным и невербальным. Вербальное воздействие осуществляется за счет языковых единиц, невербальное – «сопровождающих речь несловесных сигналов» (Стернин, 2012).

В данной статье в качестве средства вербального речевого воздействия анализируются белорусские и английские синтаксические фразеологизмы (далее – СФ), рассматриваемые нами на основе работ Н. Ю. Шведовой (Шведова, 1980) и А.В. Величко (Величко, 2017) и понимаемые как предикативные структуры, представляющие собой модели с обобщенным субъективно-модальным значением и характеризующиеся идиоматичностью, воспроизводимостью и наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов.

В приведенном определении СФ отражена основная причина их способности оказывать речевое воздействие на слушающего – **семантика модальности**.

В нашем исследовании мы используем концепцию модальности Н. Ю. Павловской и понимаем под этим термином субъективное отношение говорящего к высказыванию (Паўлоўская, 2002).

СФ выражают модальность, во-первых, передавая эмоции, например:

Вочы!.. Што за вочы! Неба Італіі свеціцца ў іх. (Я. Колас) – ‘глаза прекрасны’ – восхищение.

Oh God, what have I done? Oh God, the shame of it. (M. Fisher) – ‘О, Боже, что я наделал? О, Боже, как стыдно’ – стыд.

Согласно Б. Ю. Норману, выражаемые СФ эмоции всегда направлены на адресата и «либо требуют от собеседника согласия, участия, одобрения, либо, наоборот, провоцируют выявление разногласий, спор, конфликт» (Норман, 2009), чем и обусловлена прагматическая специфика синтаксических фразеологизмов.

Во-вторых, СФ имеют оценочную семантику, что также оказывает воздействие на слушающего:

От у цябе куры дык куры, а ў мне абы-што. (А. Горват) – ‘у тебя хорошие куры’ – положительная оценка.

The effects of climate change will be as bad as any weapons of mass destruction... (The Independent) – ‘последствия климатических изменений будут так же негативны, как результаты воздействия любого оружия массового поражения’ – отрицательная оценка.

В-третьих, СФ имеют целый ряд иных модальных значений, например, согласие / несогласие, незначимость, исключительность / множественность, необходимость / ненужность, невозможность:

– *Ну, што, таварышы, рабаваць нарыхтаваліся свайго бацюшку?!*

– *Ды не, бацюшка!.. Якое там рабаваць...* (М. Зарэцкі) – ‘грабить мы не собираемся’ – отрицание, несогласие.

Who cares what you call it. (Forbes) – ‘не важно, как это называть’ – незначимость.

Способность воздействия на слушающего обусловлена не только семантикой СФ, но и некоторыми структурными особенностями.

Так, широко используемым средством речевого воздействия являются **вопросы**, которые, как принято считать, имеют большой потенциал убеждения. Как пишет Э. Р. Пратканис, вопросы структурируют процесс принятия решения, направляя наши мысли и «косвенно определяя диапазон возможных ответов» (Пратканис, 2002).

Вопрос может использоваться для включения собеседника в диалог и для демонстрации готовности говорящего к общению, служит средством структурирования сообщаемого, логической организации рассуждений.

Возможности использования для воздействия на говорящего вопроса очень удачно, на наш взгляд, иллюстрирует белорусский СФ *чым не + существіельное*. СФ констатирует соответствие либо сходство, при этом имеет структуру вопросительного предложения:

А мы разам во з Юляй век звекавалі, дзяцей паднялі – чым не радасць?
(Ф. Сіўко) – ‘наша жизнь соответствует представлениям о радости; это настоящая радость’.

Семантика СФ содержит имплицированный компонент, который выявляется путем трансформационного анализа: *Чым не радасць?* → *У чым наша жыццё не адпавядае ўяўленню пра сапраўдную радасць?* → *Няма таго, у чым бы яно не адпавядала.* → *Гэта сапраўдная радасць.*

СФ, как правило, употребляется в контексте доводов, призванных подвести слушающего к тому, чтобы согласиться с говорящим. Перечисляя доводы «за», говорящий показывает, что причин не соглашаться нет: ‘так как мы прожили вместе жизнь, вырастили детей, можно сказать, что это настоящая радость’.

В случае, когда СФ адресован собеседнику, говорящий с его помощью может:

- а) выяснить позицию слушающего, если она неизвестна;
- б) зная о несогласии собеседника, узнать о причинах;
- в) выразить собственные сомнения и развеять их, получив поддержку своего мнения со стороны собеседника;
- г) подтолкнуть слушающего к размышлению над проблемой, спрашивая его о том, о чем он сам не задумывался.

Говорящий может адресовать вопрос самому себе, в таком случае СФ выступает элементом внутреннего диалога, способом структурирования собственных мыслей, рассуждений.

Еще одна особенность СФ со структурой вопроса состоит в том, что они позволяют выразить мнение говорящего в менее категоричной форме, чем при использовании утвердительного предложения.

Средством убеждения слушающего также может выступать **сравнение**, при котором воздействие на мнение адресата достигается, во-первых, за счет выбора соответствующего компарата и, во-вторых, основания.

Например, десятилетний автомобиль проигрывает при сравнении с новой моделью и кажется менее предпочтительным. Если же сравнить его с машиной более раннего года выпуска, то в таком случае он выглядит уже более привлекательным.

Если в качестве основания сравнения двух автомобилей берется цена, то выиграет более дешевая машина. Если же сравнивать транспортные средства на основании качества, то предпочтительнее может оказаться более дорогой, но более современный автомобиль.

Таким образом оценка одного и того же компаранта может варьироваться в зависимости от того, с чем он сравнивается и на каком основании.

В синтаксическом фразеологизме *as good a(n) N as any*, имеющем структуру сравнения, воздействие на адресата осуществляется за счет использования в качестве компарата типичного представителя класса, которому компарант ничем не уступает и на фоне которого выглядит приемлемо:

Probably as good an index of success as any. (D. Lodge) – ‘это, вероятно, такой же подходящий показатель успешности, как и любой другой’.

Воздействие на слушающего может осуществляться путем **указания на действующее лицо** или, наоборот, целенаправленного неупоминания о нем. Используя форму действительного залога в предложении, в котором функцию подлежащего выполняет субъект действия, или агенс, говорящий «высвечивает его роль» (Иссерс, 2013). И наоборот, неопределенно-личные и безличные конструкции, а также форма страдательного залога позволяют не указывать на действующее лицо.

Рассмотрим этот способ речевого воздействия на примере белорусского и английского СФ *як (было) не + инфинитив* и *(подлежащее) + couldn't help + герундий* со значением невозможности не совершить действие.

В белорусском СФ субъект действия не указывается, а невозможность представляется вытекающей из обстоятельств:

I сапраўды, як было не смяцца, калі сам Мішка быў так забінтаваны ад пчаліных пакусаў, так перамазаны ёдам, што быў падобны на агароднае пудзіла, якое ставяць ад вераб'ёў. (М. Лынькоў) – ‘было невозможно не смеяться’.

В английском СФ субъект действия выражается подлежащим, а невозможность не совершить действие говорящий связывает с собой:

I could not help laughing at the ease with which he explained his process of deduction. (A.C. Doyle) ‘я не мог не засмеяться, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих умозаключений’

При этом в обоих случаях речь идет о конкретной ситуации и определенных лицах. Однако говорящий на белорусском языке приписывает ответственность за невозможность не совершить действие внешним обстоятельствам, говорящий на английском языке – себе, т.е. за счет СФ разной формы одна и та же ситуация представляется по-разному.

Ряд белорусских и английских СФ имеет значение **акцентирования** и позволяет выделить в речи то, что говорящий считает особенно важным, соответственно, привлекая к этому большее внимание слушающего.

В качестве примеров приведем белорусскую структуру *што + предикативная основа, дык гэта + знаменательное слово* и ее линейное соответствие в английском языке *what + предикативная основа + be + знаменательное слово*:

Але што найбольш уражвала ў адстаўніцкім уборы, дык гэта атлясны чорны гальштук, які выбіваўся з-над шаліка. (В. Мудроў)

You know, Clare, what I like about you is your innocence. (S. Conran) – ‘знаешь, Клэр, что мне в тебе нравится, так это твоя невинность’.

За счет структуры СФ, которые представляют собой псевдо-расщепленные (квазисложные) предложения, рема – *атлясны чорны гальштук* и *your innocence* – не только актуализируется с помощью порядка

слов и размещения в конце предложения, но и дополнительно выделяется путем сегментирования. Таким образом, на рему делается большой акцент по сравнению с простыми предложениями *Найбільш уражваў у адстаўніцкім уборы атлясны чорны гальштук* и *I like your innocence* – ‘мне нравится твоя невинность’.

В качестве еще одного средства речевого воздействия рассмотрим структуры, содержащие формы глаголов в **повелительном наклонении**, например, английский СФ со значением ‘незначимость, несущественность’ *never mind* + *знаменательное слово / предикативная основа*:

‘I’m n-not very hungry.’ ‘Never mind not being hungry,’ Taggy said firmly. ‘You’ll eat it!’ (E. Bailey) – ‘Я н-не очень голодна.’ ‘Не важно, что не голодна,’ – твердо сказала Тэгги. – ‘Ты съешь это!’

Хотя постоянный компонент СФ *never mind* характеризуется идиоматичностью и не означает дословно ‘никогда не думай’, по форме он представляет собой сочетание с глаголом в форме повелительного наклонения и, соответственно, воспринимается как побуждение к действию, направленное на его субъект.

Таким образом, белорусские и английские СФ выступают средством речевого воздействия, во-первых, в связи с их модальным значением, а во-вторых, за счет использования структуры вопросительного предложения, форм повелительного наклонения, сравнения, указания либо неуказания на действующее лицо, акцентирования.

Список литературы

1. Балахонская, Л. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учебное пособие / Л. В. Балахонская, Е. В. Сергеева. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Флинта, Наука, 2017. – 349 с.

2. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: автореф. дис. докт. филол. наук : 10.02.01. – Нижний Новгород, 2017. – 41 с.

3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – 3-е изд., переработанное. – М. : Флинта, Наука, 2013. – 239 с.

4. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика: на материале русского и других славянских языков: курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, Белорус. гос. ун-т, 2009. – 181 с.

5. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове: кагнітыўная структура, функцыянальны статус, сродкі выражэння: аўтарэф. дыс. на атрыманне вучон. ступ. д-ра філал. навук : 10.02.01 / Паўлоўская Н. Ю. – Мінск., 2002. – 39 с.

6. Пратканис, Э. Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Р. Пратканис, Э. Аронсон. – 3-е междунар. изд. – СПб. : Прайм-Еврознак : Изд. дом «Нева» : М., Олма-пресс, 2002. – 380 с.

7. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. Редкол.: Н. Ю. Шведова [и др.] – М. : Наука, 1980. – 709 с.

8. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия. Учеб. издание / И. А. Стернин. – Воронеж : «Истоки», 2012. – 178 с.

References

1. Balahonskaja, L. V. Lingvistika rechevogo vozdejstvija i manipulirovanija: uchebnoe posobie / L. V. Balahonskaja, E. V. Sergeeva. – 3-e izd., stereotipnoe. – М. : Flinta, Nauka, 2017. – 349 s.

2. Velichko, A. V. Predlozhenija frazeologizirovannoj struktury v russkom jazyke: avtoref. dis. dokt. filol. nauk : 10.02.01. – Nizhnij Novgorod, 2017. – 41 s.

3. Issers, O. S. Rechevoe vozdejstvie / O. S. Issers. – 3-e izd., pererabotannoe. – М. : Flinta, Nauka, 2013. – 239 s.

4. Norman, B. Yu. Lingvisticheskaja pragmatika: na materiale russkogo i drugih slavjanskih jazykov: kurs lekcij / B. Yu. Norman. – Minsk, Belorus. gos. un-t, 2009. – 181 s.

5. Paulouskaja, N. Yu. Katэгорыя мадал'насці u suchasnaj belaruskaj move: kagnityunaja struktura, funkcyjanal'ny status, srodki vyrazhennja: autaref. dys. na atrymanne vuchon. stup. d-ra filal. navuk : 10.02.01 / Paulouskaja N. Yu. – Mn., 2002. – 39 s.

6. Pratkanis, E. R. Epoha propagandy: mehanizmy ubezhdenija, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie / E. R. Pratkanis, E. Aronson. – 3-e mezhdunar. izd. – SPb.: Prajm-Evroznak : Izd. dom «Neva» : M., Olma-press, 2002. – 380 s.

7. Russkaja grammatika. Tom II. Sintaksis. Redkol.: N. Yu. Shvedova [i dr.] – M. : Nauka, 1980. – 709 s.

8. Sternin, I. A. Osnovy rechevogo vozdejstvija. Ucheb. izdanie . I. A. Sternin. – Voronezh : «Istoki», 2012. – 178 s.

С. И. К. Гасанова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

КОНКУРСНЫЙ ПРОЕКТ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРАКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Резюме. В работе анализируются коммуникативные ходы, речевые стратегии, тактики и целевая аудитория конкурсных проектов белорусских производителей молочной продукции предприятия Danone Belarus «Данон», «Растушка» и «Простоквашино». Цель работы – выявить частотность употребления различных речевых актов, установить выполняемую ими функцию с точки зрения воздействия на аудиторию. Для достижения цели использовался комплекс исследовательских методов: описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный анализ, приемы статистической обработки языкового материала. Полученные результаты показали, что выбор тех или иных речевых актов обусловлен, в первую очередь, целью адресанта, а также целевой аудиторией линейки товаров и спецификой конкурсного проекта.

Ключевые слова: речевые стратегии, тактики, коммуникативные ходы, рекламный дискурс, конкурсный проект.

S. I. K. Gasanova

Minsk State Linguistic University, Minsk

COMPETITION PROJECT AS A STRATEGIC INSTRUMENT OF INTERACTIVE COMMUNICATION

Abstract. Speech strategies, tactics, communicative moves and target audience in competition projects of Belarussian dairy producers are analyzed and determined. The purpose of the work is to determine the connection between speech acts and the type of project. To